

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

ИЗБРАННОЕ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1948

БИБЛИОТЕКА
ИЗБРАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1917 - 1947

DjVu – библиотека сайта
www.biografia.ru

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ
М О С К В А

Б48

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

ИЗБРАННОЕ

75298.с.

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1948

* * *

Перебирая в памяти былое,
Я вспомню песни первые свои:
«Звезда горит над розовой Невой,
Заставские бормочут соловьи...»

... Но годы шли все горестней и слаще,
Земля необозримая кругом.
Теперь, — ты прав, мой первый и
пропащий, —
Пою другое, плачу о другом.

А юные девчонки и мальчишки —
Они о том же: сумерки, Нева...
И та же нега в этих песнях дышит,
И молодость попрежнему права.

1940

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ДОЧЕРИ

1

Сама я тебя отпустила,
Сама угадала конец,
Мой ласковый, рыженький, милый,
Мой первый, мой лучший пленец. . .

Как дико пустует жилище,
Как стынут объятия мои:
Разжатые руки не сыщут
Веселых рученок твоих.

Они ль хлопотали, они ли,
Теплом озарив бытие,
Играли и в ладушки били,
И сердце держали мое?

Зачем я тебя отпустила,
Зачем угадала конец,
Мой ласковый, рыженький, милый,
Мой первый, мой лучший пленец. . .

II

На Сиверской, на станции сосновой,
Какой мы страшный месяц провели,
Не вспоминая, не обмолвясь словом
О холмике из дерна и земли.
Мы обживались, будто новоселы,
Всему учились заново подряд,
На Сиверской, на станции веселой,
В краю пилотов, дюн и октябрят.
А по кустам играли в прятки дети,
Парашютисты прыгали с небес,
Фанфары ликовали на рассвете,
Грибным дождем затягивало лес,
И кто-то маленький, не уставая,
Кричал в соседнем молодом саду
Баском, в ладошки: — Майя! Майя!
Майя! .. —
И отзывалась девочка: — Иду. . .

III

Не стыдясь ни счастья, ни печали,
Не скрывая гордости своей, —
Так детей испанских мы встречали,
Не родных, обиженных детей.

Вот они — смуглы, разноголбы,
На чужой рожденные земле,
Черноглазы и черноволбы, —
Точно ласточки на корабле.

И звезда — звезда вела навстречу
К кораблям, над городом блестя,
И казалось всем, что в этот вечер
В каждом доме родилось дитя. . .

СЕВАСТОПОЛЬ

Белый город, синие заливы,
На высоких мачтах — огоньки.
Нет, я буду все-таки счастливой,
Многим неудачам вопреки.
Ни потери, ни тоска, ни горе
С милою землей не разлучат,
Где такое трепетное море
Кропотливо трудится, ворча,
Где орлы и планеры летают,
Где любому камешку — сиять,
Где ничто-ничто не исчезает
И не возвращается опять.

1935

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДРУГУ

Сосны чуть качаются —
Мачты корабельные.
Бродит, озирается
Песня колыбельная.

Во белых снежках,
В валяных
 сапожках,
Шубка пестрая,
Ушки вострые:
Слышит снега шопоток,
Слышит сердца ропоток.

Бродит песенка в лесу,
Держит лапки на весу.
В мягких варежках она,
В теплых гарусных,
И шумит над ней сосна
Черным парусом.

Вот подкралась песня к дому,
Смотрит в комнату мою...
Хочешь, я тебе, большому,
Хочешь, я тебе, чужому,
Колыбельную спою?

Колыбельную...
Корабельную...

Тихо песенка войдет,
Ласковая, строгая.
Ушками поведет,
Варежкой потрогает,
Чтоб с отрадой ты вздохнул,
На руке моей уснул,
Чтоб ни страшных снов,
Чтоб не стало слов,
Только снега шопоток.
Только сердца бормоток...

1940

СИДЕЛКА

Ночная горькая больница,
Палаты, горе, полутьма.
В сиделках — Жизнь, и ей не спится,
И с каждым нянчится сама.
Косынкой повязалась гладко,
И рыжевата, как всегда.
А на груди, поверх халата,
Знак Обороны и Труда.
И все, кому она подушки
Поправит, в бред и забытье,
Уносят нежные веснушки
И руки жесткие ее.
И все, кому она прилежно
Прохладное подаст питье,
Запоминают говор нежный
И руки жесткие ее.
И каждый, костенея, труся,
О смерти зная наперед,
Зовет ее к себе:
— Маруся,
Марусенька. . . —
И Жизнь идет.

1935

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Точно детство вернулось — и в школу:
Завтрак, валенки, воробьи. . .

Это первый снег,

это первый холод

Губы стягивает мои.

Ты — как вестник, как гость издалека,

Из страны, где не помнят меня.

Чье там детство?

Чьи парты, снежки, уроки?

Окна в елочках и огнях?

Точно кто-то окликнул знакомым,

Тайным прозвищем. Точно друг,

Проходя, торопясь, мимоходом припомнил

И в окно постучался вдруг.

Точно кто-то взглянул с укоризной —

И тишайший, темный родник

Ожил в сердце,

возжаждал жизни,

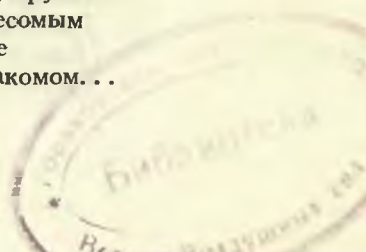
Ждет, чтоб песней к нему приник. . .

НАШ ДОМ

I

О, бесприютные рассветы
В степных селеньях незнакомых!
Проснешься утром — кто ты? где ты?
Как будто дома — и не дома.

... Блуждали полночью в пустыне,
Тропинку щупая огнями.
Нас было четверо в машине,
И караван столкнулся с нами.
Он в темноте возник внезапно.
Вожак в коротком разговоре
Сказал, что путь — на юго-запад,
Везут поклажу в новый город.
А в плоских ящиках с соломой
Стекло поблескивало, гвозди...
Мы будем в городе как дома,
Его хозяева и гости,
В том самом городе, который
Еще в пути, еще в дороге;
Узнает сердце этот город
По смутной радостной тревоге
И вспомнит ночь, пески, круженье
Под небом грозным и весомым
И утреннее пробужденье
В степном селенье незнакомом...

13296.с.

II

И вновь дорога нежилая
 Дымит и вьется предо мной...
 Шофер, уныло напевая,
 Качает буйной головой.
 Ну что ж, споем, товарищ, вместе:
 Печаль друзей поет во мне...
 А ты тоскуешь о невесте,
 Живущей в дальней стороне.
 За восемь тысяч километров,
 В России, в тихом городке,
 Она стоит под вешним ветром
 В цветном платочке, налегке.
 Она стоит, глотает слезы,
 Ромашку щиплет наугад;
 Над нею русские березы
 В сережках розовых шумят...
 Ну, пой еще. Еще сильнее
 Терзайся приступом тоски.
 Давно ведь меж тобой и нею
 Легли разлучные пески.
 Пески горючие, а горы
 Стоячие, а рек не счесть,
 И самолет домчит нескоро
 Твою — загаданную — весть...
 Ну, пой, ну, плачь. Мы песню эту
 Осушим вместе до конца
 За то, о чем еще не спето:
 За наши горькие сердца.

III

И снова ночь...
 Молчит пустыня,
 Тяжелый мрак плывет кругом,
 Нависло небо. Воздух стынет.
 Тушканчики стоят торчком,

Стоят, как столбики. . . Порою
Блеснут звериные глаза
Зеленой искоркой суровой,
И робко вздрогнут тормоза.
Кто тихо гонится за нами?
Чья тень мелькнула вдалеке?
Кто пролетел, шурша крылами,
И крикнул в страхе и тоске?
И вдруг негаданно-нежданно
Возникло здание. . . Вошли. . .
Прими под крылья, кров желанный,
Усталых путников земли.
Но где же мы? В дощатой зале
Мерцает лампы свет убогий.
Друзья мои, мы на вокзале
Еще неведомой дороги.
Уже бобыль-джерши, начальник,
Без удивленья встретив нас,
Нам жестяной выносит чайник
И начинает плавный сказ,
И вот уже родной, знакомый
Легенды воздух нас объял.
Мы у себя. Мы — дома, дома.
Мы произносим — «наш вокзал». . .

IV

Какой сентябрь. Туман и трепет,
Багрец и бронза — Ленинград!
А те пути, рассветы, степи —
Семь лет, семь лет тому назад.
Как, только семь? Увы, как много!
Не удержать, не возвратить
Ту степь, ту юность, ту дорогу,
А только в памяти хранить. . .
Где караван, звездой ведомый,
Пустыней к городу идет
И в плоских ящиках с соломой

Дары прекрасные несет.
Где не было границ доверью
Себе, природе и друзьям,
Где ты легендою, поверьем
Невольню становился сам...
... Так есть уже воспоминанья
У поколенья моего?
Свои обычаи, преданья,
Особый облик у него?
Строители и пилигримы,
Мы не забудем ни о чем:
По всем путям, трудясь, прошли мы,
Везде отыскивали дом.
Он был необжитой, просторный...
Вот утеплили мы его
Всей молодостью, всем упорным
Гореньем сердца своего.
И в возмужалом постоянстве,
Одной мечте верны всегда,
Мы, как и прежде, жаждем странствий,
Дорог, открытых для труда.
... О, бесприютные рассветы!
Все ново, дико, незнакомо...
Проснешься утром, — кто ты? где ты?
Ты — на земле. Ты дома, дома...

МОЛОДОСТИ

... Вот когда я тебя воспою,
Назову дорогою подругою,
Юность канувшую мою,
Быстроногую, тонкорукую.
О, заставских черемух плен,
Комсомольский райком в палисаде,
Звон гитар у кладбищенских стен,
По кустарникам звезды в засаде!
Не уйти, не раздать, не избыть
Этот гнет молодого томленья,
Это грозное чувство судьбы,
Так похожее на вдохновенье.
Ты мерещилась всюду, судьба.
В порыжелом военном плакате,
В бурном, взрывчатом слове «борьба»,
В одиночестве на закате.
Как пушисты весной тополя,
Как бессонницы неодолимы.
Как близка на рассвете земля,
А друзья далеки и любимы.
А любовь? Как воздух и свет,
Как дыхание — всюду с тобою,
Нет конца ей, выхода нет, —
О, крыло ее голубое!

Вот когда я тебя воспою,
Назову дорогою подругой,
Юность канувшую мою,
Быстроногую, тонкорукую. . .

1949

ТОСТ

Летит новогодняя вьюга,
Сверкая, колдуя, трубя.
Прибор запоздавшему другу
Поставим на стол у себя.

И рядом, наполнив до края,
Веселую чашу вина,
Чтоб, в искрах и звездах играя,
Была наготове она.

Быть может, в промерзшие двери
Наш друг постучится сейчас,
И скажет: — За ваше доверье! —
И чашу осушит за нас.

Так выше бокал новогодний!
Наш первый поднимем смелей
За всех, кто не с нами сегодня,
За всех запоздавших друзей.

1939

РАЗЛУКА

ПИСЬМО

...Где ты, друг мой?

Прошло семилетие

С той разлуки, с последней той...

Ты живешь ли на белом свете?

Ты лежишь ли в земле сырой?

Пусть хоть это стихотворение,

Словно голубь, к тебе дойдет.

В запылившемся оперении

Прямо в руки твои упадет,

Пусть о сердце крылом ударится

Одному понятная речь...

Время дни считать,

время стариться,

Время близких своих беречь...

1937

ПЕСНЯ

Была на родине твоей —

И не нашла тебя.

— Здесь друга нет, — сказал ручей,

Волнуясь и скорбя.

— Здесь друга нет, — твердили мне
Тропинки и луга.

— Здесь друга нет, — сверкнули мне
Нагорные снега.

На самый край вершин пришла
И, стоя на краю,
Я громко друга позвала,
Как молодость мою.

И эхо голосом чужим
Мне крикнуло в ответ,
Усталым голосом моим:
— Увы! Здесь друга нет.

И я вернулася назад,
Молчал безлюдный путь.
Не озарила глаз слеза,
И не могу вздохнуть.

И не пойму я много дней,
Тоскуя и любя:
Зачем на родине твоей
Я не нашла тебя?

1935

П Р И Я Т Е Л Я М

Мы прощаемся, мы наготове,
Мы разведемся, кто куда.
Нет, не вспомнит на добром слове
Обо мне никто никогда.

Сколько раз посмеетесь, сколько
Оклеветеете, не цenia
За веселую скороговорку,
За упрямство мое меня?

Не потрафила, что ж, простите.
Обращаюсь сразу ко всем.
Что ж, попробуйте, разлюбите,
Позабудьте меня совсем.

Я исхода не предрекаю,
Я не жалуясь, не горжусь...
Я ведь знаю, что я — такая,
Одному в подруги гожусь.

Он один меня не осудит,
Как любой и лучший из вас,
На мгновение не забудет,
Под угрозами не предаст.

... И когда зарастут дорожки,
Где ходила с вами вдвоем,
Я-то вспомню вас на хорошем,
На певучем слове своем.

Я-то знаю, кто вы такие, —
Бережете сердца свои...
Дорогие мои, дорогие,
Ненадежные вы мои.

1936

П О С Л Е С Л О В И Е

О, сколько раз меня смущали,
Друзей тревожили моих
Слова разлуки и печали,
Невнятно сложенные в стих.

Ну что в них? Дальняя дорога,
Зеленые огни земли,
Усмешка, грустная немного,
Рука, махнувшая вдали...

Но, может быть, потомок дальний
Услышит явственной всего
Биенье сердца твоего
В невнятной песенке прощальной. . .

1938

ВСТРЕЧА

Пахнет соснами, гарью, тленьем,
Рядом бьется родник, — лови!
Это запах освобожденья,
Облик вечной нашей любви.

Не считаем ни дней, ни сроков,
Не гадаем, что впереди.
Трезвый, яростный и жестокий
Полдень счастья, не отходи.

Июль 1939

* * *

Я так боюсь, что всех, кого люблю,
Утрачу вновь.
Я так теперь лелею и коплю
Людей любовь.
И если кто смеется — не боюсь:
Настаиут дни,
Когда тревогу вещую мою
Поймут они.

Май 1941

II

DjVu – *библиотека сайта*
www.biografia.ru

Еще я лес Твой вижу
и на камне
Над безымянной речкою лесной,
Заботливыми свернутый руками,
Немудрый черпачок берестяной.

Как знак добра и мирного общения,
Лежит черпак на камне у реки,
А вечер тих,
неслышно струй течение,
И на траве мерцают светляки. . .

О, что мой страх,
что смерти неизбежность,
Испепеляющий душевный зной, —
Перед Тобой, — незыблемой, безбрежной,
Перед Твоей вечерней тишиной?

Умру, — а Ты останешься, как раньше,
И не изменятся Твои черты.
Над каждой Твоею черной раной
Лазоревые вырастут цветы.

И к дому ковыляющий калека
Над безымянной речкою лесной
Опять сплетет черпак берестяной
С любовной думою о человеке . .

Сентябрь 1941

ИЗ БЛОКНОТА

В бомбоубежище, в подвале,
Нагие лампочки горят.
Быть может, нас сейчас завалит, —
Кругом о бомбах говорят...

... Я никогда с такою силой,
Как в эту осень, не жила.
Я никогда такой красивой,
Такой влюбленной не была.

Сентябрь 1941

В ГОСПИТАЛЕ

Солдат метался: бред его терзал,
Горела грудь. До самого рассвета
Он к женщинам семьи своей взывал,
Он звал, тоскуя: — Мама, где ты, где ты? —
Искал ее, обшаривая тьму. . .

И юная дружинница склонилась
И крикнула — сквозь бред и смерть — ему:
— Я здесь, сынок! Я здесь, я рядом,
милый! —

И он в склоненной мать свою узнал.
Он зашептал, одолевая муку:
— Ты здесь? Я рад. А где ж моя жена?
Пускай придет, на грудь положит руку. —
И снова наклоняется она,
Исполненная правдой и любовью:
— Я здесь, — кричит, — я здесь, твоя жена,
У твоего родного изголовья.
Я здесь, жена твоя, сестра и мать.
Мы все с тобой, защитником отчизны.
Мы все пришли, чтобы тебя поднять,
Вернуть себе, отечеству и жизни.

Ты веришь, воин. Отступая, бред
Сменяется отрадою покоя.
Ты будешь жить. Чужих и дальних нет,
Покуда сердце женское с тобою.

Август 1941

СЕСТРЕ

Машенька, сестра моя, москвичка!
Ленинградцы говорят с тобой.
На военной грозной переключке
Слышишь ли далекий голос мой?
Знаю — слышишь. Знаю — всем знакомым
Ты сегодня хвастаешь с утра:
— Нынче из отеческого дома
Говорила старшая сестра. —
... Старый дом на Палевском за Невской,
Низенький зеленый палисад.
Машенька, ведь это — наше детство,
Школа, елка, пионеротряд.
Вечер, клены, мандолины струны
С соловьем заставским вперейбой.
Машенька, ведь это наша юность,
Комсомол и первая любовь.
А дворцы и фабрики заставы?
Труд в цехах неделями подряд?
Машенька, ведь это наша слава,
Наша жизнь и сердце — Ленинград.
Машенька, теперь в него стреляют,
Прямо в город, прямо в нашу жизнь.
Пленом и позором угрожают,
Кандалы готовят и ножи.
Но, жестоко душу напрягая,
Смертно ненавидя и скорбя,
Я со всеми вместе присягаю

И даю присягу за тебя:
Присягаю ленинградским ранам,
Первым разоренным очагам:
Не сломясь, не дрогну, не устану,
Ни крупницы не прощу врагам.
Нет. По жизни и по Ленинграду
Полчища фашистов не пройдут.
В низеньком зеленом палисаде
Лучше мертвой наземь упаду.
Но не мы — они найдут могилу.
Машенька, мы встретимся с тобой.
Мы пройдемся по заставе милой,
По зеленой, синей, голубой.
Мы пройдемся улицею длинной,
Вспомним эти горестные дни,
И услышим говор мандолины,
И увидим мирные огни.
Расскажи ж друзьям своим в столице:
— Стоек и бесстрашен Ленинград.
Он не дрогнет, он не покорится, —
Так сказала старшая сестра.

2 сентября 1941

* * *

...Я буду сегодня с тобой говорить,
Товарищ и друг ленинградец,
О свете, который над нами горит,
О нашей последней отраде.

Товарищ, нам горькие выпали дни,
Грозят небывалые беды,
Но мы не забыты с тобой, не одни, —
И это уже победа.

Смотри — материнской тоскою полна,
За дымной грядкою осады,
Не сводит очей воспаленных страна
С защитников Ленинграда.

Так некогда, друга отправив в поход,
На подвиг тяжелый и славный,
Рыдая, глядела века напролет
Со стен городских Ярославна.

Молила, чтоб ветер хоть голос домчал
До друга, сквозь дебри и высн...
А письма летят к Ленинграду сейчас,
Как в песне, десятками тысяч.

Сквозь пламя и ветер летят и летят,
Их строки размыты слезами.
На ста языках об одном говорят:
«Мы с вами, товарищи, с вами!»

А сколько посылок приходит с утра
Сюда, в ленинградские части!
Как пахнут и варежки и свитера:
Забытым покоем и счастьем...

И нам самолеты послала страна, —
Да будем еще неустанней, —
Их мерная, гулкая песня слышна,
И видно их крыльев блистанье.

Товарищ, прислушайся, встань, улыбнись
И с вызовом миру поведай:
— За город сражаемся мы не одни, —
И это уже победа.

Спасибо. Спасибо, родная страна,
За помощь любовью и силой.
Спасибо за письма, за крылья для нас,
За варежки тоже спасибо.

Спасибо тебе за тревогу твою, —
Она нам дороже награды.
О ней не забудут в осаде, в бою
Защитники Ленинграда.

Мы знаем — нам горькие выпали дни,
Грозят небывалые беды,
Но Родина с нами, и мы не одни,
И нашею будет победа.

16 октября 1941

ПИСЬМО НА КАМУ

Я знаю — далеко на Каме
Тревожится, тоскует мать.
Что написать далекой маме,
Как успокоить? Как солгать?
Она в открытках каждой строчкой,
Страшась и всей душой любя,
Все время молвит:

«Дочка, дочка,

Прошу, побереги себя...»

О, я любой ценою рада
Тревогу матери унять.
Я напишу ей только правду:
Пусть не боится за меня.

«Я берегу себя, родная,
Не бойся, очень берегу.
Я город наш обороняю
Со всеми вместе, как могу.
Я берегу себя от плена,
Позорнейшего на земле.
Мне кровь твоя, чернея в венах,
Диктует: «Гибель, но не плен!»
Не бойся, мама, я не струшу,
Не отступлю, не побегу,

Вращенную тобою душу
Непобежденной сберегу.
Не бойся, нет во мне смятенья,
Еще надолго хватит сил.
Победоносному терпенью
Недаром Ленин нас учил.
Не бойся, мама, — я с друзьями,
А ты люби моих друзей...»

...Так я пишу далекой маме.
Я написала правду ей.

Я не пишу, — и так вернее, —
Что старый дом разрушен наш,
Что ранен брат, что я старею,
Что мало хлеба, мало сна.
И главная, быть может, правда
В том, что не все узнает мать:
Ведь мы залечим эти раны,
Мы все вернем себе опять.
И сон — спокойный, долгий, теплый,
И песни с самого утра,
И будет в доме в ясных стеклах
Заря вечерняя играть...

И я кричу знакомым людям:
— Пишите правду матерям.
Пишите им о том, что *будет!*
Не жалуйтесь, что трудно нам...

21 сентября 1941

СТИХИ О ЛЕНИНГРАДСКИХ БОЛЬШЕВИКАХ

Нет в стране такой далекой дали,
Не найдешь такого уголка,
Где бы не любили, где б не знали
Ленинградского большевика.

В этом имени — осенний Смольный,
Балтика, Аврора, Петроград.
Это имя той железной воли,
О которой гимном говорят.
В этом имени бессмертен Ленин,
И прославлен город на века,
Город, воспринявший облик гневный
Ленинградского большевика.

Вот опять земля к сынам возвала,
Крикнула: — Вперед, большевики! —
Страдный путь к победе указала
Ленинским движением руки.
И, верны уставу, как присяге,
Вышли первыми они на бой,
Те же, те же смольнинские стяги
Высоко подняв над головой.
Там они, где ближе гибель рыщет,
Всюду, где угроза велика.
Не щадить себя — таков обычай

Ленинградского большевика.
И идут, в огонь идут за ними,
Все идут — от взрослых до ребят,
За безжалостными, за своими,
Не щадящими самих себя.
Нет, земля, в неволю, в когти смерти
Ты не будешь отдана, пока
Бьется хоть единственное сердце
Ленинградского большевика.

Сентябрь 1941

МОСКВЕ

К сердцу родины руку тянет
Трижды проклятый миром враг.
На огромнейшем поле брани
Кровь отметила каждый шаг.

О, любовь моя, жизнь и радость,
Дорогая моя земля!
Из отрезанного Ленинграда
Вижу свет твоего Кремля.

Пятикрылые вижу звезды,
Точно стали еще алей.
Сквозь дремучий, кровавый воздух
Вижу ленинский мавзолей.

И зарю над стеною старой,
И зубцы ее, как мечи.
И нетленный прах коммунаров
Снова в сердце мое стучит.

Наше прошлое, наше дерзанье,
Все, что свято нам навсегда, —
На разгром и на поруганье
Мы не смеем врагу отдать.

Если это придется взять им,
Опозорить свистом плетей —
Пусть ложится на нас проклятье,
Наших внуков, наших детей.

Даже клятвы сегодня мало.
Мы во всем земле поклялись.
Время смертных боев настало.
Будь неистов. Будь молчалив.

Всем, что есть у тебя живого, —
Всею силой своей любви,
Кровью, пламенем, сталью, словом, —
Задержи врага. Раздави.

16 октября 1941

ШЕСТОГО НОЯБРЯ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Мы слышали твой голос. Мы спокойны.
Ничто не в силах нас разъединить.
С тобой, Москва, с тобою, Вождь и Воин,
В боях встречаем памятные дни.

Жесток наш путь и тяжелы утраты.
Все возместим.
А враг — он должен пасть.
Мы никому не отдадим обратно
С тобою завоеванную власть.

Мы слышали твой голос. Мы спокойны.
Нас не сломают, не поработят.
Да здравствует суровый Вождь и Воин!
Да здравствуют Москва и Ленинград!

1941

РАЗГОВОР С СОСЕДКОЙ

Дарья Власьевна, соседка по квартире.
Сядем, побеседуем вдвоем.
Знаешь, будем говорить о мире,
О желанном мире, о своем.

Вот мы прожили почти полгода,
Полтора ста суток длится бой.
Тяжелы страдания народа, —
Наши, Дарья Власьевна, с тобой.

О, ночное воющее небо,
Дрожь земли, обвал невдалеке,
Бедный ленинградский ломтик хлеба,
Он почти не весит на руке. . .

Для того, чтоб жить в кольце блокады,
Ежедневно смертный слушать свист, —
Сколько силы нам, соседка, надо,
Сколько ненависти и любви!

Столько, что минутами в смятеньи
Ты сама себя не узнаешь:
— Вынесу ли? Хватит ли терпенья? —
— Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь.

Дарья Власьевна, — еще немного,
День придет — над нашей головой
Пролетит последняя тревога,
И последний прозвучит отбой.

И какой далекой, давней-давней
Нам с тобой покажется война
В миг, когда толкнем рукою ставни,
Сдернем шторы черные с окна.

Пусть жилище светится и дышит,
Полнится локоем и весной. . .
Плачьте тише, смейтесь тише, тише,
Будем наслаждаться тишиной.

Будем свежий хлеб ломать руками,
Темнозолотистый и ржаной.
Медленными, крупными глотками
Будем пить румяное вино.

А тебе — да ведь тебе ж поставят
Памятник на площади большой!
Нержавеющей, бессмертной сталью
Облик твой запечатлят простой.

Вот такой же: исхудавшей, смелой,
В наскоро повязанном платке,
Вот такой, когда под артобстрелом
Ты идешь с кошкой в руке.
Дарья Власьевна, твоею силой
Будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия.
Стой же и мужайся, как она!

5 декабря 1941

ВТОРОЕ ПИСЬМО НА КАМУ

...Вот я снова пишу на далекую Каму.
Ставлю дату: двадцатое декабря.

Как я счастлива,

что горячо и упрямо

Штемпеля Ленинграда

на конверте горят.

Штемпеля Ленинграда! Это надо понять.

Все защитники города

понимают меня.

Ленинградец, товарищ, — оглянись-ка назад
В полугодье войны, изумляясь себе:

Мы ведь смерти самой поглядели в глаза.

Мы готовились к самой последней борьбе.

Ленинград в сентябре,

Ленинград в сентябре...

Златосумрачный, царственный листопад,

Скрежет первых бомбежек, рыданье сирен,

Темноржавые контуры баррикад.

Только все, что тогда я

на Каму писала,

Все, о чем я так скупо теперь говорю, —

Ленинградец, — ты знаешь, — было только
началом,
Было только вступленьем
к твоему декабрю.

Ленинград в декабре, Ленинград в декабре!
О, как ставенки стонут на темной заре,

Как угрюмо твое ледяное жильё,
Как врагами изранено тело твое...

Мама, Родина светлая, из-за кольца
Ты твердишь:
«Ежечасно гордимся тобой».
Да, мы вновь не отводим от смерти лица,
Принимаем голодный и медленный бой.

Ленинградец, мой спутник,
мой единственный друг,
Нам декабрьские дни сентября тяжелей.
Все равно не разнимем
слабеющих рук:
Мы и это, и это должны одолеть.

Он придет, ленинградский торжественный
полдень,
Тишины и покоя, и хлеба душистого полный.
О, какая отрада,
какая великая гордость —
Знать, что в будущем каждому скажешь в ответ:
— Я жила в Ленинграде
в декабре сорок первого года,
Вместе с ним принимала
известия первых побед.
...Нет, не вышло второе письмо
на далекую Каму.

Это гимн ленинградцам — опухшим,
упрямым, родным.
Я отправлю от имени их за кольцо
телеграмму:
«Живы. Выдержим. Победим!»

20 декабря 1941

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

В еще невиданном уборе —
Завьюженный, огромный дот, —
Так Ленинград — гвардеец-город —
Встречает этот Новый год.
Как беден стол, как меркнут свечи!
Но я клянусь — мы никогда
Правдивей и теплее встречи
Не знали в прежние года.
Мы, испытавшие блокаду,
Все муки ратного труда,
Друг другу счастья и отрады
Желаем так, как никогда.
С безмерным мужеством и страстью
Ведущие неравный бой, —
Мы знаем, что такое счастье,
Что значит верность и любовь.
Так выше головы и чаши
С глотком вина, — мы пьем его
За человеческое, наше,
Незыблемое торжество!
За Армию — красу и гордость
Планеты страждущей земной.
За наш угрюмый, темный город,
Втройне любимый и родной.

Мы в чайные тепла и света
Глядим в грядущее в упор...
За горе, гибель и позор
Врага!
За Жизнь! За Власть Советов!

31 декабря 1941

АРМИЯ

Мне скажут — Армия. . .

Я вспомню день — зимой.

Январский день сорок второго года:

Моя подруга шла с детьми домой, —

Они несли с реки в бутылках воду.

Их путь был страшен, хоть и недалек.

И подошел к ним человек в шинели,

Взглянул — и вынул хлебный свой паек,

Трехсотграммовый, весь обледенелый.

И разломил, и детям дал чужим,

И постоял, пока они поели.

И мать, рукою серою, как дым,

Дотронулась до рукава шинели.

Дотронулась, не посветлев в лице. . .

Не ведал мир движенья благодарней!

Мы знали в сё о жизни наших армий,

Стоявших с нами в городе, в кольце.

...Они расстались. Мать пошла направо,

Боец вперед — по снегу и по льду.

Он шел на фронт, за Нарвскую заставу,

От голода качаясь на ходу.

Он шел на фронт, мучительно палим

Стыдом отца, мужчины и солдата:

Огромный город умирал за ним

В седых лучах январского заката.

Он шел на фронт, одолевая бред,
Все время помня — нет, не помня — зная,
Что женщина глядит ему вослед,
Благодаря его, не укоряя.
Он снег глотал, он чувствовал с досадой,
Что слишком тяжелеет автомат,
Добрал до фронта и пополз в засаду
На истребленье вражеских солдат...
... Теперь ты понимаешь, — почему
Нет Армин на всей земле любимей,
Нет преданней ее народу своему,
Великодушной и непобедимей!

Январь 1942

ЛЕНИНГРАДУ

Нам от тебя теперь не оторваться.
Одною небывалою борьбой,
Одной неповторимою судьбой
Мы все отмечены. Мы — ленинградцы.

Нам от тебя теперь не оторваться:
Куда бы нас ни повела война, —
Твоею жизнью душа полна.
И мы везде и всюду — ленинградцы.

Нас по улыбке узнают: нечастой,
Но дружелюбной, ясной и простой.
По вере в жизнь. По страшной жажде
По доблестной привычке трудовой.
счастья.

Мы не кичимся буднями своими:
Наш путь угрюм и ноша нелегка,
Но знаем, что завоевали нмя,
Которое останется в веках.

Да будет наше сумрачное братство
Отрадой мира лучшею, — навек,
Чтоб даже в будущем по ленинградцам
Равнялся самый смелый человек.

Да будет сердце счастьем озаряться
У каждого, кому проговорят:
— Ты любишь так, как любят

ленинградцы...

Да будет мерой чести Ленинград.

Да будет он любви бездонной мерой
И силы человеческой живой,
Чтоб в миг сомнения,
как символ веры,
Твердили имя верное его.

Нам от него теперь не оторваться:
Куда бы нас ни повела война, —
Его величием

душа полна,

И мы везде и всюду — ленинградцы.

Апрель 1942

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО НА КАМУ

...О, дорогая, дальняя, ты слышишь?
Разорвано проклятое кольцо!
Ты сжала руки, ты глубоко дышишь,
В сияющих слезах твое лицо.

Мы тоже плачем, тоже плачем, мама,
И не стыдимся слез своих: теплей
В сердцах у нас, бесслезных и упрямых,
Не плакавших в прошедшем феврале.

Да будут слезы эти как молитва,
А на врагов расплавленным свинцом
Пускай падут они в минуты битвы
За все, за всех, задушенных кольцом.

За девочек, по-старчески печальных,
У булочных стоявших, у дверей,
За трупы их в пикейных одеяльцах,
За страшное молчанье матерей...

О, наша месть — она еще в начале, —
Мы длинный счет врагам приберегли:
Мы отомстим за все, о чем молчали,
За все, что скрыли

от Большой Земли!

Нет, мама, не сейчас, но в близкий вечер
Я расскажу подробно обо всем,
Когда вернешься в ленинградский дом,
Когда я выбегу к тебе навстречу.

О, как мы встретим наших ленинградцев,
Не забывавших колыбель свою!
Нам только надо в городе прибраться:
Он пострадал, он потемнел в бою.

Но мы залечим все его увечья,
Следы ожогов злых пороховых.
Мы в новых платьях
 выйдем к вам навстречу,
К «стреле»,
 прибывшей прямо из Москвы.

Я не мечтаю, — это так и будет,
Минута долгожданная близка,
Но тяжкий рев разгневанных орудий
Еще мы слышим: мы в бою пока.
Еще не до конца снята блокада...
Родная, до свидания!

Иду
К обычному и грозному труду
Во имя новой жизни Ленинграда.

12 января 1943

ЛЕНИНГРАДКЕ

Еще тебе такие песни сложат,
Так воспоют твой облик и дела,
Что ты, наверно, скажешь: — Не похоже.
Я проще, я угрюмее была.

Мне часто было страшно и тоскливо,
Меня томил войны кровавый путь,
Я не мечтала даже стать счастливой,
Мне одного хотелось: отдохнуть. . .

Да, отдохнуть ото всего на свете:
От поисков тепла, жилья, еды.
От жалости к моим исчахшим детям,
От вечного предчувствия беды,

От страха за того, кто мне не пишет
(Увижу ли его когда-нибудь?),
От свиста бомб над беззащитной крышей,
От мужества и гнева отдохнуть.

Но я в печальном городе осталась
Хозяйкой и служанкой для того,
Чтобы сберечь огонь и жизнь его.
И я жила, преодолев усталость.

Я даже пела иногда. Трудилась.
С людьми делилась солью и водой.
Я плакала, когда могла. Бранилась
С моей соседкой. Бредила едой.

И день за днем лицо мое темнело,
Седины появились на висках.
Зато, привычная к любому делу,
Почти железной сделалась рука.
Смотри, как цепки пальцы и грубы!
Я рвы на ближних подступах копала,
Сколачивала жесткие гробы
И малым детям раны бинтовала...

И не проходят даром эти дни,
Неистребим свинцовый их осадок:
Сама печаль, сама война глядит
Познавшими глазами ленинградок.

Зачем же ты меня изобразил
Такой отважной и такой прекрасной,
Как женщину в расцвете лучших сил,
С улыбкой горделивою и ясной?

Но, не приняв суровых укоризн,
Художник скажет с гордостью, с отрадой:
— Затем, что ты — сама любовь и жизнь,
Бесстрашие и слава Ленинграда!

8 марта 1942

ПЕСНЯ О ЖЕНЕ ПАТРИОТА

Хорошие письма из дальнего тыла
Сержант от жены получал.
И сразу, покамест душа не остыла,
Друзьям по оружию читал.

А письма летели сквозь дымные ветры,
Сквозь горькое пламя войны,
В зеленых, как вешние листья, конвертах,
Сердечные письма жены.

Писала, что родиной стал из чужбины
Далекий сибирский колхоз.
Жалела, что муж не оставил ей сына, —
Отца б дожидался да рос. . .

Читали — улыбка с лица не скрывалась,
Читали — слезы не сдержав.
— Хорошая другу подружка досталась,
Будь счастлив, товарищ сержант.

— Пошли ей, сержант, фронтовые приветы,
Земные поклоны от нас.
Совет да любовь вам, да ласковых деток,
Когда отгрохочет война. . .

А ночью прорвали враги оборону,
Отчизне грозила беда.

И пал он обычною смертью героя,
Заветный рубеж не отдал.

Друзья собрались и жене написали,
Как младшей сестре дорогой:
«Поплачь, дорогая, убудет печали,
Поплачь же над ним, над собой...»

Ответ получили в таком же конверте,
Зеленом, как листья весной.

И всем показалось, что не было смерти,
Что рядом их друг боевой.

«Спасибо за дружбу, отважная рота,
Но знайте, — писала она, —
Не плачет, не плачет вдова патриота,
Покамест бушует война.

Когда же сражений умолкнут раскаты
И каждый к жене заспешит,
В тот день я, быть может, поплачу, солдаты,
По-женски поплачу, навзрыд...»

...Так бейся же насмерть, отважная рота,
Готовь же отмщенье свое, —
За то, что не плачет вдова патриота,
За бедное сердце ее...

Январь 1943

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОСЕНЬ

Ненастный вечер, тихий и холодный.
Мельчайший дождик сыплется впотьмах.
Прямой-прямой, пустой Международный
В огромных, новых, нежилых домах.
Тяжелый свет артиллерийских вспышек
То озаряет контуры колонн,
То статуи, стоящие на крышах,
То барельеф из каменных знамен
И стены — сплошь в пробоинах снарядов...
А на проспекте — кучка горожан:
Трамвая ждут у ржавой баррикады,
Ботву и доски бережно держа.

Вот женщина стоит с доской в объятьях;
Угрюмо сомкнуты ее уста,
Доска в гвоздях — как будто часть распятья,
Большой обломок русского креста.
Трамвая нет. Опять не дали тока,
А, может быть, разрушил путь снаряд...
Опять пешком до центра — как далеко!
Пошли... Идут — и тихо говорят:
О том, что вот — попался дом проклятый,
Стоит, хоть бомбой дерево ломай.
Спокойно люди жили здесь когда-то,
Надолго строили себе дома.

А мы... Поежились и замолчали,
Разбомбленное зданье обходя.
Прямой проспект, пустой-пустой, печальный,
И граждане под сеткою дождя.

...О, чем утешить хмурых, незнакомых,
Но кровно близких и родных людей?
Им только б доски дотащить до дома
И ненадолго руки снять с гвоздей.
И я не утешаю, нет, — не думай,
Я утешеньем вас не оскорблю:
Я тем же каменным, сырым путем, угрюмым
Тащусь, как вы, и, зубы сжав, — терплю.
Нет, утешенья только душу ранят, —
Давай молчать...

... Но странно: дни придут,
И чьи-то руки пепел соберут
Из наших нищих, бедственных времянок.
И с трепетом, почти смешным для нас,
Снесут в музей, пронизанный огнями,
И под стекло положат, как алмаз,
Невзрачный пепел, смешанный с гвоздями!
Седой хранитель будет объяснять
Потомкам, приходящим изумляться:
— Вот это — след Великого Огня,
Которым согревались ленинградцы.
В осадных, черных, медленных ночах,
Под плач сирен и оружийный грохот,
В их самодельных временных печах
Дотла сгорела целая эпоха.
Они спокойно всем пренебрегли,
Что не годилось для сопротивления,
Все отдали победе, что могли,
Без мысли о признании в поколениях.
Напротив, им казалось по-другому:
Казалось им тогда — всего важней
Охалку досок дотащить до дома
И не надолго руки снять с гвоздей...

...Так день за днем, без жалобы, без стона,
Невольный вздох — и тот в груди сдавив,
Они творили новые законы
Людского счастья и людской любви.
И вот теперь, когда земля светла,
Очищена от ржавчины и смрада, —
Мы чтим тебя, священная зола,
Из бедственных времянок Ленинграда...

...И каждый, посетивший этот прах,
Смелее станет, чище и добрее,
И, может, снова душу мир согреет
У нашего блокадного костра.

Октябрь 1942

DjVu – библиотека сайта
www.biografia.ru

ОТРЫВОК

...Октябрьский дождь стучит в квадрат оконный,
Глухие залпы слышатся вдали.
На улицах, сырых и очень темных,
Одни сторожевые патрули.

Мерцает желтый слепенький фонарик,
И сердце вдруг сжимается тоской,
Когда услышишь:

— Пропуск ваш, товарищ... —
Как будто б ты — нездешний и чужой.

— Вот пропуск мой. Пожалуйста, проверьте.

Я здешняя, и этот город — мой,
У нас одно дыханье, дума, сердце...
Я здешняя, товарищ постовой.

...Но я живу в квартире, где зимою
Чужая чья-то вымерла семья.
Все, что кругом, — накоплено не мною.
Все — не мое, как будто б я — не я.
И точно на других широтах мира,
За целых два квартала от меня,
Моя другая — прежняя квартира,
Без запаха жилого, без огня.

Я редко прихожу туда, случайно.
Войду — и цепенею, не дыша:
Еще не бывшей на земле печалью,
Без слез, без слов терзается душа...
Да, у печали этой нет названья.
Не выплачешь, не выскажешь ее,
И лишь фанерных ставенек стенанье
Негромкое — похоже на нее.
А на стекле — полоски из бумаги
Дождями покороблены, желты —
Неведенья беспомощные знаки,
Зимы варфоломеевской кресты.
Недаром их весною отдирали
Те, кто в жилье случайно уцелел,
И только в неживых домах остались
Бумажные полоски на стекле.

Моя квартира прежняя пуста,
Ее окошки в траурных крестах.

Да я ли здесь жила с тобой? Да я ли
Кормила здесь когда-то дочерей?
Меня ль, меня ль глаза твои встречали
У теплых, у клеенчатых дверей?

Ты вскакивал, ты выбегал к порогу,
Чуть делались шаги мои слышны.
Ты восклицал: — Пришла?

Ну, слава богу! —

А было тихо — не было войны.
И странно: в дни обстрелов и бомбежек,
Когда свистела смерть на всех углах, —
Ты ждал меня, ни капли не тревожась,
Как будто б я погибнуть не могла,
Как будто б я была заговоренной
Несокрушимой верностью твоей.
И тот же взгляд — восторженный, влюбленный —
Встречал меня у дорогих дверей.

Я все отдам — любовь и вдохновенье,
И славу, щедро данную войной, —
За ту одну минуту возвращенья
К тебе, под кров домашний, старый,
мой...

Как будто я ослепла и оглохла:
Не услышать тебя, не увидеть.
Я слышу только дождь: он бьется в стекла,
И только дождь такой же, как тогда...

Октябрь 1942

НОВОСЕЛЬЕ

..И вновь зима: летят, летят метели,
Враг все еще у городских ворот.
Но я зову тебя на новоселье:
Мы новосельем

встретим Новый год.

Еще враги свирепый и бесцельный
Ведут обстрел по городу — со зла, —
И слышен хруст стены и плач стекла, —
Но я тебя зову — на новоселье.

Смотри, вот новое мое жилище...

Где старые хозяева его?

Одни в земле,

других нигде не сыщешь,

Нет ни следа, ни вести — ничего...

И властно воцарялось запустенье

В когда-то светлом, радостном дому,

Дышала смерть на городские стены,

Твердя: «Быть пусту дому твоему».

Здесь холодом несло из каждой щели,

Отсюда человек ушел...

Но вот,

Зову тебя сюда, на новоселье,
Под этим кровом
встретить Новый год.

Смотри, я содрала с померкших стекол
Унылые бумажные кресты,
Зажгла очаг, — огонь лучист и тепел.
Сюда вернулись люди: я и ты.
Вот здесь расставим мы библиотеку,
Здесь будет столик, стульчик и кровать
Для очень маленького человека:
Он в этом доме станет подрастать.

О, строгие, взыскательные тени
Былых хозяев дома моего,
Благословите наше поселенье,
Покой и долголетие его.

И мы тепло надышим в дом, который
Был занят смертью, погружен во тьму...
Здесь будет жизнь!

Ты жив, ты бьешься, город, —
Не быть же пусту дому твоему!

31 декабря 1942

* * *

... Третья зона, дачный полустанок,
У перрона — тихая сосна.
Дым, туман, струна звенит в тумане,
Невидимкою звенит струна.

Здесь шумел когда-то детский лагерь
На веселых ситцевых полях...
Всю в ромашках, в пионерских флагах,
Как тебя любила я, земля!

Это фронт сегодня. Сотни метров
До того, кто смерть готовит мне.
Но сегодня — тихо. Даже ветра
Нет совсем. Легко звучать струне.

И звенит, звенит струна в тумане...
Светлая, невидимая, пой!
Как ты плачешь, радуешься, манишь,
Кто тебе поведал, что со мной?
Мне сегодня радостно до боли,
Я сама не знаю — отчего.
Дышит сердце небывалой волей,
Силою расцвета своего.

Знаю, смерти нет: не подкрадется,
Не задушит медленно она, —

Просто жизнь сверкнет и оборвется,
Точно песней полная струна.

... Как сегодня тихо здесь, на фронте.
Вот среди развалин, над трубой,
Узкий месяц встал на горизонте,
Деревенский месяц молодой.

И звенит, звенит струна в тумане,
О великой благодати моля...

Всю в крови,

в тяжелых, ржавых ранах,

Я люблю, люблю тебя, земля!

Март 1942

ВЕСНА В ЛЕНИНГРАДЕ

Ты слышишь ли? Живой и влажный ветер
В садах играет, ветки шевеля!
Ты помнишь ли, что есть еще на свете
Земной простор, дороги и поля?

Мне в городе, годами осажденном,
В том городе, откуда нет путей,
Все видится простор освобожденный
В бескрайней, дикой, русской красоте.
Мне в городе, где нет зверей домашних,
Ни голубей, — хотя б в одном окне, —
Мерещатся грачи на рыжих пашнях
И дед Мазай с зайчатами в челне.

Мне в городе, где нет огней вечерних,
Где только в мертвой комнате окно
Порою вспыхнет, не затемнено,
А окна у живых — чернее черни, —
Так нужно знать, что все, как прежде, живо,
Что где-то в глубине родной страны
Все те же зори, журавли, разливы,
И даже города освещены;

Так нужно знать, что все опять вернется
Оттуда, из глубин, сюда, где тьма, —
Что я, наверно, не смогла б бороться,
Когда б не знала этого сама!

Март 1942

Воспоминания, 1942 г.

Вспомню Васильеву и Васильева, как однажды мы
Сидели в кафе, ждали, когда придет
Учитель, но так и не дождался, —
Ушел, не сказав, куда пошел.

Вспомню Васильеву и Васильева, как однажды мы
Сидели в кафе, ждали, когда придет
Учитель, но так и не дождался, —
Ушел, не сказав, куда пошел.
— Девушка сидела в кафе —
Ждала, ждала, ждала, ждала,
Ждала, ждала, ждала, ждала,
Ждала, ждала, ждала, ждала.

Вспомню Васильеву и Васильева, как однажды мы
Сидели в кафе, ждали, когда придет
Учитель, но так и не дождался, —
Ушел, не сказав, куда пошел.
— Девушка сидела в кафе —
Ждала, ждала, ждала, ждала,
Ждала, ждала, ждала, ждала,
Ждала, ждала, ждала, ждала.

ТВОЯ МОЛОДОСТЬ

Ленинградским комсомольцам

Будет вечер — тихо и сурово
О военной юности своей
Ты расскажешь комсомольцам новым, —
Сыновьям и детям сыновей.

С жадностью засмотрятся ребята
На твое солдатское лицо,
Так же, как и ты глядел когда-то
На седых буденновских бойцов.

И с прекрасной завистью, с порывом,
Тем, которым юные живут,
Назовут они тебя — счастливым,
Сотни раз героем назовут.

И, окинув памятью ревнивой
Не часы, а весь поток борьбы,
Ты ответишь: — Да, я был счастливым.
Я героем в молодости был.

Наша молодость была не длинной,
Покрывалась ранней сединой.
Нашу молодость рвало на минах,
Заливало таллинской волной.

Наша молодость неслась тараном
Сокрушить германский самолет.
Чтоб огонь ослабить ураганный,
Падала на вражий пулемет.

Прямо сердцем дуло прикрывая,
Падала, чтоб Армия прошла...
Страшная, неистовая, злая,
Вот такая молодость была.

А любовь — любовь зимою адской,
Той зимой в осаде на Неве,
Где невесты наши ленинградские
Были не похожи на невест.

Лица их — темней свинцовой пыли,
Руки — тоньше, суше тростника...
Как мы их жалели, как любили,
Как молились им издалека.

Это их сердца неугасимые
Нам светили в холоде, во мгле.
Не было невест еще любимее,
Не было красивей на земле.

... И под старость юность вспоминая:
— Возвратись ко мне, — проговорю. —
Возвратись ко мне опять такая,
Я такую трижды повторю.

Повторю со всем страданьем нашим,
С той зимою, с тою сединой,
Яростную, горькую, бесстрашную
Молодость, крещенную войной.

Октябрь 1943

Я на черной парковой опушке
Положу ему земной поклон.

Кланяюсь всему, что здесь любила,
— Сердце, не прощай, — не позабуди! —
Кланяюсь всему, что возвратила,
Трижды тем, кого нельзя вернуть.

Ноябрь 1943

II

Вошли — и сердце дрогнуло: жестоко
Зияла смерть, безлюдье, пустота...
Где лебеди? Где музы? Где потоки —
С младенчества родная красота?

Где люди наши — наши садоводы,
Лелеявшие мирные сады?
Где их благословенные труды
На счастье человека и природы?

И где мы сами — прежние, простые,
Доверчиво глядевшие на свет?
Как страшно здесь!
Печальней и пустыней
Селения, наверно, в мире нет...

И вдруг в душе, в ее немых глубинах,
Опять звучит надменно и светло:
«Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село».

25 января 1944

ВТОРОЙ РАЗГОВОР С СОСЕДКОЙ

Дарья Власьева,
соседка,
здравствуй.

Вот мы встретились с тобой опять.
В дни весны желанной ленинградской
Надо снова нам потолковать.

Тихо-тихо. Небо золотое.
В этой долгожданной тишине
Мы пройдем по Невскому с тобою,
По бывшей «опасной стороне».

Как истерзаны повсюду стены!
Бельма в каждом выбитом окне.
Это мы тут прожили без смены
Целых девятьсот ночей и дней.

Мы с тобою танков не взрывали.
Мы в чаду обыденных забот
Безымянные высоты брали, —
Но на карте нет таких высот.

Где помечена твоя крутая
Лестница, ведущая домой,
По которой, с голоду шатаясь,
Ты ходила с ведрами зимой?

Чтоб сынов, когда придут с победой,
Хлебом-солью встретить у ворот.

Дарья Власьевна, нам много дела,
Точно под воскресный день в дому.
Ты в беде сберечь его сумела,
Ты и счастье вернешь ему.

Счастье извечное людское,
Что в бреду, в крови, во мгле боев
Сберегло и вынесло — простое
Сердце материнское твое.

Апрель 1944

27 ЯНВАРЯ 1945 ГОДА

... Сегодня праздник в городе.

Сегодня

Мы до утра, пожалуй, не уснем.
Так пусть же будет как бы новогодней
И эта ночь, и тосты за столом.

Мы в эту ночь не раз поднимем чаши
За дружбу незапятнанную нашу,
За горькое блокадное родство,
За тех,
кто не забудет ничего.

И первый тост, воинственный и братский,
До капли, до последнего глотка, —
За вас, солдаты армий ленинградских,
Осадою крещенные войска,
За вас, не дрогнувших перед проклятым
Сплошным потоком стали и огня...
...Бойцы Сорок Второй,

Пятьдесят Пятой,

Второй Ударной, —

слышите ль меня?

В далеких странах,

за родной границей,

За сотни верст сегодня вы от нас.

И верим: вновь
пути укажет миру
Наш небывалый,
тяжкий,
дерзкий труд.
И к Сталинграду,
к Северной Пальмире
Во множестве паломники придут.

Придут из мертвых городов Европы
По неостывшим, еле стихшим тропам,
Придут, как в сказке, за живой водой,
Чтоб снова землю сделать молодой.

Так выше, друг, торжественную чашу,
За этот день,
за будущее наше,
За кровное народное родство,
За тех,
кто не забудет ничего...

27 января 1945

НАКАНУНЕ

... Запомни эти дни.

Прислушайся немного,
И ты — душой — услышишь в тот же час:
Она пришла и встала у порога,
Она готова в двери постучать.

Она стоит на лестничной площадке,
На темной,
На знакомой до конца, —
В солдатской, рваной, дымной плащ-палатке,
Кровавый пот не вытерла с лица.

Она к тебе спешила из похода
Столь тяжкого,
что слов не обрести.
Она ведь знала: все четыре года
Ты ждал ее, ты знал ее пути,
Ты отдал все, что мог, — ее дерзанию:
Всю жизнь свою,
всю душу,
радость,
плач.

Запомни ж все,
и в будничных тревогах
На всем чистейший отблеск отмечай.
Стоит Победа на твоём пороге.
Сейчас она войдет к тебе.
Встречай.

22 апреля 1945

СТИХИ О СЕБЕ

... И вот в послевоенной тишине
Сама себя я слышу наконец.

.
Какое сердце стало у меня,
Сама не знаю — лучше или хуже:
Не отогреть у мирного огня,
Не остудить на самой лютой стуже.

И в черный час зажженные войною
Затем, чтобы не гаснуть, не стихать,
Неженские созвездья надо мною,
Неженский ямб в черствеющих стихах. . .

... И даже тем, кто все хотел бы сгладить
В зеркальной, робкой памяти людей,
Не дам забыть, как падал ленинградец
На желтый снег пустынных площадей.

И как стволы, поднявшиеся рядом,
Сплетают корни в душной глубине
И слили кроны в чистой вышине,
Даря прохожим мощную прохладу, —
Так скорбь и счастье живут во мне —
Единым корнем — в муке Ленинграда,
Единой кроною — в грядущем дне.

И все неукротимей год от года
К неистовству зенита своего
Растет свобода сердца моего —
Единственная на земле свобода.

1945

[Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page]

ВОСПОМНЕНИЕ

Когда я в мертвом городе искала
Ту улицу, где были мы с тобой,
Когда нашла — и все же не узнала

.
А сизый прах и ржавчина вокзала!
. . . Но был когда-то синий-синий день,
И душно пахло нефтью, и дрожала
Седых акаций вычурная тень;
От шпал струился зной — стеклянный,
зримый —

Дышало море близкое, а друг,
Уже чужой, но все еще любимый,
Не выпускал моих холодных рук.
Я знала: всё. Уже ни слов, ни споров,
Ни милых встреч. . .

И все же будет год:

Один из нас приедет в этот город
И все, что было, вновь переживет.
Обдаст лицо блаженный воздух юга,
Подкатит к горлу незабытый зной,
На берегу проступит облик друга —
Неистребимой радости земной.
О, если б кто-то вставший с нами рядом
Шепнул, как и е движутся года.
Ведь лишь теперь, на эти камни глядя,

Я поняла, что значит — «никогда»,
Что прошлого — и то на свете нет,
Что нет твоих свидетелей отныне,
Что к самому себе потерял след
Для всех, прошедших зоною пустыни. . .

1945

ЛАСТОЧКА

Весной сорок второго года множество ленинградцев носило на груди жетон — ласточку с письмом в клюве.

Сквозь года, и радость, и невзгоды
Вечно будет мне сиять одна
Та весна сорок второго года,
В осажденном городе весна.

Маленькую ласточку из жести
Я носила на груди сама.
Это было знаком доброй вести,
Это означало — «жду письма».

Этот знак придумала блокада:
Знали мы, что только самолет,
Только птица к нам до Ленинграда
С милой-милой родины дойдет. . .

. . . Сколько писем с той поры мне было!
Отчего же кажется самой,
Что доньше я не получила
Самое желанное письмо?

Чтобы к жизни, вставшей за словами,
К правде, влитой в каждую строку,

Совестью припасть бы, как устами
В раскаленный полдень к роднику.

Кто не написал его, не выслал?
Счастье ли? Победа ли? Беда?
Или друг, который не отыскан
И не узнан мною навсегда?

Или где-нибудь доньше бродит
То письмо, желанное, как свет,
Ищет адрес мой и не находит,
И, томясь, тоскует: где ж ответ?

Или близок день — и непременно
В час большой душевной тишины
Я приму неслыханной, нетленной
Весть, еще идущую с войны?

О, найди меня, гори со мною,
Ты, давно обещанная мне
Всем, что было, — даже той смешною
Ласточкой, — в осаде, на войне. . .

1945

МОЙ ДОМ

А в доме, где жила я много лет,
Откуда я ушла зимой блокадной,
По вечерам опять в окошках свет.
Он розоватый, праздничный, нарядный.

Взглянув на бывших три моих окна,
Я вспоминаю: здесь была война.

О, как мы затемнялись! Ни луча!
И все темнело, все темнело в мире...
Потом хозяин в дверь не постучал,
Как будто путь забыл к своей квартире.
Где до сих пор беспамятствует он,
Какой последней кровлей осенен?

Нет, я не знаю, кто живет теперь
В тех комнатах, где жили мы с тобою,
Кто вечером стучится в ту же дверь,
Кто синеватых не сменил обоев —
Тех самых, выбранных давным-давно...
Я их узнала с улицы в окно.

Но этих окон праздничный уют
Такой забытый свет в сознание будит,
Что верится: там добрые живут,
Хорошие, приветливые люди.

Там даже дети маленькие есть
И кто-то юный и всегда влюбленный,
И только очень радостную весть
Сюда теперь приносят почтальоны,
И только очень верные друзья
Сюда на праздник сходятся шумливый.
Я так хочу, чтоб кто-то был счастливым
Там, где всю душу разможила я.

Владейте всем, что не досталось мне,
И всем, что мною отдано войне...

... Но если вдруг такой наступит день:
Тишайший снег и сумерек мерцанье, —
И станет жечь, нагнав меня везде,
Блаженное одно воспоминанье,
И я не справлюсь с ним и, постучав,
Приду в мой дом и встану на пороге,
Спрошу... ну, там спрошу: «Который час?»
Или: «Воды», как на войне в дороге, —
Тогда приход не осуждайте мой,
Ответьте мне доверьем и участием,
Затем, что я пришла к себе домой,
И помню все, и верю в ваше счастье...

ДВА ВСТУПЛЕНИЯ К ТРАГЕДИИ
«ГОРОД СЛАВЫ»

I

— Дверь — на засов и душу — на засов.
... Но как бы я ни напрягала силы —
Мне не уйти от этих голосов,
А я еще забвенья не просила.
Нет.
Настежь дверь —
и прочь с души засов.

И вот, шепча еще не те слова,
Еще не все разгадывая знаки,
Я повинуюсь воле Волшебства —
За тех, немых, опять и жить, и плакать,
Воскреснуть с ними, чтобы снова пасть...
Своей судьбы неодолима власть.

Как страшно становиться многоликой,
И многодушной, и многоязыкой,
Еще страшней — всегда самой собой
Остаться в разных обликах и душах
И в чьем-то горе, в радости чужой
Свой тайный стон
и тайный шопот слушать

И знать, что ничего не утаишь:
Все слышат всё, до скрытого рыданья,

И друг придет с напрасным состраданием,
И посмеются недруги мои.

Пусть будет так. Я не могу иначе,
Ты, Родина, учила нас, как мать, —
Не ждать, не брать и не просить подачек
За счастье — творить и отдавать. . .

. . . И вновь я вижу все твои приметы,
Великий твой, кровавый, тяжкий зной,
Сорок второй, неистовое лето
И все живое, вставшее стеной
На бой со смертью. . .

II

Прошло полгода молчанья,
с тех пор, как стали клубиться
В жажде преображенья,
в горячей творящей мгле,
Твоих развалин оскалы,
твоих защитников лица,
Легенды твои, которым
подобных нет на земле.

Прошло полгода молчанья
с тех пор, как мне стала сниться
Твоя свирепая круча — не отвести лица!
Как трудно к тебе прорваться,
как трудно к тебе пробиться,
К тебе, которой вручила
всю жизнь свою — до конца.

Но как сквозь терний колючий,
сквозь ложь, заботы, обиды,
К тебе — по любой дороге,
везде — у чужих и в дому,
В вагоне, где о тебе же навзрыд поют инвалиды,

В очередях за пищей —
 к сиянию твоему.
И только с чистейшим сердцем,
 и только склонив колени,
Не славить, — о нет, не смею, —
 молиться тебе, спеша,
Трагедия всех трагедий — душа моего поколенья,
Единственная,
 прекрасная,
 большая моя душа. . .

Весна 1947

III

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

I

Был день как день.
Ко мне пришла подруга,
Не плача, рассказала, что вчера
Единственного схоронила друга,
И мы молчали с нею до утра.

Какие ж я могла найти слова?
Я тоже — ленинградская вдова.

Мы съели хлеб, что был отложен на день,
В один платок закутались вдвоем,
И тихо-тихо стало в Ленинграде.
Один, стуча, трудился метроном.

И стыли ноги, и томила свечка.
Вокруг ее слепого огонька
Образовалось лунное колечко,
Похожее на радугу слегка.

Когда немного посветлело небо,
Мы вместе вышли за водой и хлебом

И услышали дальней канонады
Рыдающий, тяжелый, мерный гул:

То армия рвала кольцо блокады,
Бела огонь по нашему врагу.

II

А город был в дремучий убран иней.
Уездные сугробы, тишина...
Не отыскать в снегах трамвайных линий,
Одних полозьев жалоба слышна.

Скрипят, скрипят по Невскому полозья.
На детских санках, узеньких, смешных,
В кастрюльках воду голубую возят,
Дрова и скарб, умерших и больных...

Так с декабря кочуют горожане
За много верст, в степной туманной мгле,
В глуши слепых, обледеневших зданий,
Отыскивая угол потеплей.

Вот женщина ведет куда-то мужа.
Седая полумаска на лице.
В руках бидончик — это суп на ужин.
Свистят снаряды, свирепеет стужа, —
Товарищи, мы в огненном кольце...

А девушка с лицом заиндевелым,
Упрямо стиснув почерневший рот,
Завернутое в одеяло тело
На Охтенское кладбище везет.

Везет, качаясь, — к вечеру добраться б...
Глаза бесстрастно смотрят в темноту.

Скинь шапку, гражданин!
Провозят ленинградца,
Погибшего на боевом посту.

Скрипят полозья в городе, скрипят...
Как многих нам уже не досчитаться!
Но мы не плачем: правду говорят,
Что слезы вымерзли у ленинградцев.

Нет, мы не плачем. Слез для сердца мало.
Нам ненависть заплакать не дает.
Нам ненависть залогом жизни стала:
Объединяет, греет и ведет.

О том, чтоб не прощала, не щадила,
Чтоб мстила, мстила, мстила как могу, —
Ко мне взывает братская могила
На Охтенском, на правом берегу.

III

Как мы в ту ночь молчали, как молчали...
Но я должна, мне надо говорить
С тобой, сестра по гневу и печали,
Прозрачны мысли и душа горит.

Уже страданиям нашим не найти
Ни меры, ни названья, ни сравненья.
Но мы в конце тернистого пути
И знаем — близок день освобожденья.

Наверно, будет грозный этот день
Давно забытой радостью отмечен:
Наверное, огонь дадут везде,
Во все дома дадут, на целый вечер.

Мы будем так наш город украшать,
Как люди никогда не украшали.

И вот тогда, на самом стройном здании,
Лицом к восходу солнца самого,
Поставим мраморное изваянье
Простого труженика ПВО.

Пускай стоит, всегда зарей объятый,
Так, как стоял, держа неравный бой:
С закинутою к небу головой,
С единственным оружием — лопатой.

V

О, древнее орудие земное,
Лопата, верная сестра земли,
Какой мы путь немислимый с тобою
От баррикад до кладбища прошли!

Мне и самой порою не понять
Всего, что выдержали мы с тобою...
Пройдя сквозь пытки страха и огня,
Мы выдержали испытанье боем.

И каждый, защищавший Ленинград,
Вложивший руку в пламенные раны,
Не просто горожанин, а солдат,
По мужеству подобный ветерану.

Но тот, кто не жил с нами, не поверит,
Что в сотни раз почетней и трудней
В блокаде, в окруженьи палачей, —
Не превратиться в оборотня, в зверя.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЭМА

I

Я, как рубеж, запомню вечер:
Декабрь, безогиенная мгла,
Я хлеб в руке домой несла,
И вдруг соседка мне навстречу.
— Смейяй на платье, — говорит, —
Меиять не хочешь, дай по дружбе.
Десятый день, как дочь лежит:
Не хороию. Ей гробик нужен.
Его за хлеб сколотят нам.
Отдай. Ведь ты сама рожала... —
И я сказала: — Не отдам. —
И бедный ломоть крепче сжала.
— Отдай, — она просила, — ты
Сама ребенка хоронила.
Я принесла тогда цветы,
Чтоб ты украсила могилу. —
...Как будто на краю земли,
Одни, во мгле, в жестокой схватке,
Две женщины, мы рядом шли,
Две матери, две ленинградки.
И, одержимая, она
Молила долго, горько, робко.

И сил хватило у меня
Не уступить мой хлеб на гробик.
И сил хватило — привести
Ее к себе, шепнув угрюмо:
— На, съешь кусочек, съешь... прости!
Мне для живых не жаль — не думай. —

Прожив декабрь, январь, февраль,
Я повторяю с дрожью счастья:
Мне ничего живым не жаль,
Ни слез, ни радости,
ни страсти.

Перед лицом твоим, Война,
Я поднимаю клятву эту,
Как вечной жизни эстафету,
Что мне друзьями вручена.
Их множество — друзей моих,
Друзей родного Ленинграда.
О, мы задохлись бы без них
В мучительном кольце блокады.

II

Вот предо мной письмо бойца.
Он — с Ладоги, а сам — волжанин.
Я верных рук ему не жала,
Не видела его лица...
Но знаю — друга нет верней,
Надежней, преданней, бесстрашней.
Его письмо — письмо к жене —
Твердит о давней дружбе нашей.
Он пишет: «Милая Наташа,
Прочти и всей родне скажи:
Спасибо вам за ласку вашу,
За вашу правильную жизнь.
Но я прошу, Наташа, очень:

Ты не пиши, как прошлый раз,
Мол, «пожалей себя для дочки»,
«Побереги себя для нас»...
Мне стыдно речи эти слушать!
Прости, любимая, пойми,
Что Ленинград ожег мне душу
Своими бедными детьми.
Я в Ленинграде, правда, не был,
Но знаю — видели бойцы:
Там дети плачут, просят хлеба,
А хлеба нет... А мы — отцы...
И я, как волка, караулю
Фашиста — сутками в снегу,
И от моей свирепой пули
Пощады не было врагу.
Лежу — порою до костей
Промерзну весь — дрожу,
устану...

Уйти? А вспомню про детей, —
Зубами скрипну — и останусь.
— Нет, — говорю, — проклятый гад,
Палач детей, — я здесь, я слышу.
На, получай еще заряд
За ленинградских ребятишек. —
...Наташа, береги Катюшу,
Но не жалея меня, жена.
Не обижай тревогой душу,
В которой ненависть одна.
Нельзя дышать, нельзя, жена,
Когда дитя о хлебе плачет...
Да ты не бойся за меня.
А как я жить могу иначе?»

III

О да — иначе не могли
Ни те бойцы, ни те шоферы,
Когда грузовики вели

По озеру, в голодный город.
Хслодный, ровный свет луны.
Снега сияют исступленно,
И со стеклянной вышины
Врагу отчетливо видны
Внизу идущие колонны.
И воет, воет небосвод,
И свищет воздух, и скрежещет,
Под бомбами ломаясь, лед,
И озеро в воронки плещет.
Но вражеской бомбежки хуже,
Еще мучительней и злей —
Сорокаградусная стужа,
Владычащая на земле.
Казалось — солнце не взойдет:
Навеки ночь в застывших звездах,
Навеки лунный снег, и лед,
И голубой свистящий воздух.
Казалось, что конец земли. . .
Но сквозь остывшую планету
На Ленинград машины шли:
Он жив еще. Он рядом где-то.
На Ленинград, на Ленинград!
Там на два дня осталось хлеба,
Там матери под темным небом
Толпой у булочных стоят,
И дрогнут, и молчат, и ждут,
Прислушиваются тревожно:
— К заре, сказали, привезут. . .
— Гражданочки, держаться можно. . .
И было так: на всем ходу
Машина задняя осела.
Шофер вскочил, шофер на льду.
— Ну, так и есть — мотор заело.
Ремонт на пять минут, пустяк.
Поломка эта — не угроза,
Да рук не разогнуть никак:

Их на руле свело морозом.
Чуть разогнешь — опять сведет.
Стоять? А хлеб? Других дожждаться?
А хлеб — две тонны? Он спасет
Шестнадцать тысяч ленинградцев.
И вот — в бензине руки он
Смочил, поджег их от мотора,
И быстро двинулся ремонт
В пылающих руках шофера.
Вперед! Как ноют волдыри,
Примерзли к варежкам ладони.
Но он доставит хлеб, пригонит
К хлебопекарне — до зари.
Шестнадцать тысяч матерей
Пайки получают на заре —
Сто двадцать пять блокадных грамм
С огнем и кровью пополам.

...О, мы познали в декабре —
Не зря «священным даром» назван
Обычный хлеб, и тяжкий грех —
Хотя бы крошку бросить наземь:
Таким людским страданьем он,
Такой большой любовью братской
Для нас отныне освящен —
Наш хлеб насущный, ленинградский.

IV

Дорогой жизни шел к нам хлеб,
Дорогой дружбы многих к многим.
Еще не знают на земле
Страшней и радостней дороги.
И я навек тобой горда,
Сестра моя, москвичка Маша,
За твой февральский путь сюда,

В блокаду к нам, дорогой нашей.
Золотоглаза и строга,
Как прутик, тоненькая станом,
В огромных русских сапогах,
В чужом тулупчике, с наганом, —
И ты рвалась сквозь смерть и лед,
Как все, тревогой одержима, —
Моя отчизна, мой народ,
Великодушный и любимый.
И ты вела машину к нам,
Подарков полную до края.
Ты знала — я теперь одна,
Мой муж погиб, я голодаю.
Но то же, то же, что со мной, —
Со всеми сделала блокада.
И для тебя слились в одно
И я, и горе Ленинграда.
И, ночью плача за меня,
Ты забирала на рассветах
В освобожденных деревнях
Посылки, письма и приветы.
Записывала: «Не забыть:
Деревня Хохрино. Петровы.
Зайти на Мойку сто один
К родным. Сказать, что все здоровы,
Что Митю долго мучил фриц.
Но мальчик жив, хоть очень слабый. . .»
О страшном плене — до зари
Тебе рассказывали бабы,
И лук собирали по дворам,
В холодных разоренных хатах:
«Нá, питерцам свезешь, сестра.
Проси прощенья — чем богаты. . .»
И ты рвалась — вперед, вперед,
Как луч, с неодолимой силой.
Моя отчизна, мой народ,
Родная кровь моя, — спасибо!

О, сквозь кольцо пробитый путь,
 Единственный просвет в отчизну!
 Но враг хотел кольцо замкнуть
 Совсем. Отнять дорогу к жизни.
 Был Тихвин взят. Рыча и злясь,
 Фашисты лезут к Волховстрою.
 Все туже смертная петля
 На горле города-героя.
 Нет! Не дадим петлю стянуть!
 Дорогу к городу — не троньте!
 И бьются за последний путь
 Солдаты Северного фронта.
 Войскам приказ — идти в атаку.
 Заданье получает взвод,
 Где командир Семен Потапов.
 Он говорит: — Бойцы, вперед!
 Сейчас рубеж займем. За ним
 Враги. Они хотят прорваться.
 Смелей, бойцы! Не предадим
 Железный подвиг ленинградцев!
 Огонь. Ползут. — Вставай! —
Рванулись.

— За мною! — крикнул командир
 И вдруг упал, с немецкой пулей,
 С проклятой пулею в груди.
 Бойцы — к нему. Но промедленье
 В атаке — проигрыш, конец.
 И командир в самозабвенье
 Кричит: — Не подходить ко мне!
 За Ленинград — вперед! —

Неистов

Его приказ. И верен взвод,
 И, прыгая через него,
 Летит вперед и мнет фашистов,

Штыки вонзает на бегу
В серо-зеленые мундиры. . .

. . . А он остался на снегу,
Как сотни красных командиров,
Как сотни тех, кто вел и звал,
К себе не ведая пощады.
Своею смертью смерть поправ,
Витавшую над Ленинградом.
А он лежал в крови густой,
Ничком, с простертыми руками,
Как будто прикрывал собой
Под ним распластанное знамя.
И что же — верно: кровь свою
Он, точно стяг, легко и гордо
Пронес в решающем бою
За жизнь твою, любимый город,
За дочку, за жену, за мать,
В ком эта жизнь горит и бьется,
Кто будет ждать его —

так ждать,

Как ждут того,
кто не вернется.

VI

Вот так, исполнены любви,
Из-за кольца, из тьмы разлуки
Друзья твердили нам: «Живи!»,
Друзья протягивали руки.
Оледеневшие, в огне,
В крови, пронизанные светом,
Они вручили вам и мне
Единой жизни эстафету.
Безмерно счастье мое.
Спокойно говорю в ответ им:
— Друзья, мы приняли ее,
Мы держим нашу эстафету,

Мы с ней прошли сквозь дни зимы.
В давящей мгле ее терзаний
Всей силой сердца жили мы,
Всем светом творческих дерзаний.

Да, мы не скроем — в эти дни
Мы ели землю, клей, ремни,
Но, съев похлебку из ремней,
Вставал к станку упрямый мастер,
Чтобы точить орудий части,
Необходимые войне.
Но он точил, пока рука
Могла производить движенья.
И если падал, — у станка,
Как падает солдат в сраженье.

И люди слушали стихи,
Как никогда — с глубокой верой,
В квартирах, черных, как пещеры,
У репродукторов глухих.

И обмерзающей рукой,
Перед коптилкой, в стуже адской,
Гравировал гравер седой
Особый орден — ленинградский.
Колючей проволокой он,
Как будто бы венцом терновым,
Кругом — по краю — обведен
Блокады символом суровым.
В кольце, плечом к плечу, втроем —
Ребенок, женщина, мужчина,
Под бомбами, как под дождем,
Стоят, глаза к зениту вскинув.

И надпись сердцу дорога:
Она гласит не о награде,
Она спокойна и строга:
«Я жил зимою в Ленинграде».

Так дрались мы за рубежи
Твои, возлюбленная Жизнь!

И я, как вы, — упряма, зла, —
За них сражалась как умела.
Душа, крепясь превозмогла
Предательскую немощь тела.
И я утрату понесла.

К ней не притронусь даже словом —
Такая боль... И я смогла,
Как вы, подняться к жизни снова
Затем, чтоб вновь и вновь
сражаться

За жизнь.
Носитель смерти, враг —
Опять над каждым ленинградцем
Заносит кованый кулак.
Но, не волнуясь, не боясь,
Гляжу в глаза грядущим схваткам:
Ведь ты со мной, страна моя,
И я недаром — ленинградка.

Так, с эстафетой вечной жизни,
Тобой врученную, отчизна,
Иду с тобой путем единым,
Во имя мира твоего,
Во имя будущего сына
И светлой песни для него.

Для дальней полночи счастливой
Ее, заветную мою,
Сложила я нетерпеливо
Сейчас, в блокаде и в бою.

Не за нее ль идет война?
Не за нее ли ленинградцам
Еще бороться и мужаться
И мстить без меры? — Вот она:

— Здравствуй, крестник
Красных командиров,
Милый вестник,
Вестник мира. . .
Сны тебе спокойные приснятся —
Битвы стихли на земле ночной.
Люди
 неба
 больше не боятся.
Неба, озаренного луной.

В синей-синей глубине эфира
Молодые облака плывут.
Над могилой красных командиров
Мудрые терновники цветут.

Ты проснешься на земле цветущей,
Вставшей не для боя — для труда.
Ты услышишь ласточек поющих:
Ласточки
 вернулись в города.

Гнезда вьют они — и не боятся,
Вьют в стене пробитой, под окном:
Крепче будет гнездышко держаться,
Люди больше
 не покинут дом.

Так чиста теперь людская радость,
Точно к миру прикоснулась вновь.
Здравствуй, сын мой,
 жизнь моя,
 награда,
Здравствуй, победившая любовь!

Июнь — июль 1942

ПАМЯТИ ЗАЩИТНИКОВ¹

Вечная слава героям, павшим
в боях за свободу и незави-
симость нашей Родины!

*Из приказа Верховного
Главкома командующего*

I

В дни наступленья армий ленинградских,
В январские свирепые морозы,
Ко мне явилась девушка чужая
И попросила написать стихи...

Она пришла ко мне в тот самый вечер,
Когда как раз два года исполнялось
Со дня жестокой гибели твоей.

Она не знала этого, конечно.
Стараясь быть спокойной, строгой, взрослой,
Она просила написать о брате,
Три дня назад убитом в Дудергофе.

¹ Эта поэма написана по просьбе ленинградской девушки Нины Нониной о брате ее, двадцатилетнем гвардейце Владмире Нонине, павшем смертью храбрых в январе 1944 года под Ленинградом, в боях по ликвидации блокады.

Он пал, Воронью гору атакуя,
Ту высоту проклятую, откуда
Два года немец вел корректировку
Всего артиллерийского огня.

Стараясь быть суровой, как большие,
Она портрет из сумочки достала:
— Вот мальчик наш,
Мой младший брат Володя... —
И я безмолвно ахнула: с портрета
Глядели на меня твои глаза.

Не те, уже обугленные смертью.
Не те, безумья полные и муки,
Но те, которыми глядел мне в сердце
В дни юности, тринадцать лет назад.

Она не знала этого, конечно.
Она просила только: «Напишите
Не для того, чтобы его прославить,
Но чтоб над ним могли чужие плакать,
Со мной и мамой, — точно о родном...»

Она, чужая девочка, не знала,
Какое сердцу предложила бремя, —
Ведь до сих пор еще за это время
Я реквием тебе — тебе! — не написала...

II

Ты в двери мои постучала,
Доверчивая и прямая.
Во имя народной печали
Твой тяжкий заказ принимаю.
Позволь же правдиво и прямо,
Своим неукрашенным словом

...Впервые за долгие годы — снаряды
На улицы к нам не ложились в тот вечер.

И звезды мерцали, как в детстве, отрадно,
Над городом темным, уставшим

от бедствий...

— Как тихо сегодня у нас в Ленинграде,—
Сказала сестра и уснула, как в детстве.

«Как тихо», — подумала мать и вздохнула,
Так вольно давно никому не вздыхалось.
Но сердце, привыкшее к смертному гулу,
Забытой земной тишины испугалось.

IV

...Как одинок убитый человек
На поле боя

стихшем и морозном.

Кто б ни пришел к нему,

кто ни придет, —

Ему теперь все будет поздно, поздно.

Еще мгновенье, может быть, назад
Он ждал родных, в такое чудо веря...
Теперь лежит, — всеобщий сын и брат,
Пока что не опознанный солдат,
Пока одной лишь Родины потеря.

Еще не плачут близкие в дому,
Еще, приказу вечером внимая,
Никто не слышит и не понимает,
Что ведь уже о нем,

уже к нему

Обращены от имени Державы
Прощальные слова

любви и вечной славы.

По своей, такой же, скорби — знаю,
Что, неукротимую, ее
Сильные сердца не обменяют
На забвенье и небытие.

Пусть она, чистейшая, святая,
Душу нечерствеющей хранит.
Пусть, любовь и мужество питая,
Навсегда с народом породнит.

Незабвенной спаянное кровью,
Лишь оно — народное родство —
Обещает в будущем любому
Обновление и торжество.

... Девочка, в январские морозы
Прибегавшая ко мне домой, —
Вот — прими печаль мою и слезы,
Реквием несовершенный мой.

Все горчайшее в своей утрате,
Все, душе светившее во мгле,
Я вложила в плач о нашем брате,
Брате всех живущих на земле...

... Неоплаканный и невоспетый,
Самый дорогой из дорогих,
Знаю, ты простишь меня за это,
Ты, отдавший душу за других.

Апрель 1944

ТВОЙ ПУТЬ

I

..И все осталось там — за белым-белым,
За тем январским ледовитым днем.
О, как я жить решилась, — как я смела,
Ведь мы давно условились: вдвоем.

.

А тот, который с августа запомнил
Сквозь рупора звеневший голос мой, —
Зачем-то вдруг нашел меня и поднял,
Со снега поднял и привел домой.
Как в притчах позабытых и священных
Пред путником, который изнемог —
Ты всгал передо мною на колено
И обувь снял с моих отекавших ног;
Высокое сложил мне изголовье,
Чтоб легче сердцу было по ночам,
И лег в ногах, окоченевший сам,
И ничего не называл любовью...

II

Я знаю, слишком знаю это зданье.
И каждый раз, когда иду сюда, —
Все кажется, что вышла на свиданье
Сама с собой, такой же, как тогда.

Но это больше, чем воспоминанье.

Я не боюсь самой себя — вчерашней:
На все отвечу, если уж пришла, —
Вот этой серой, беспощадной, страшной,
Глядящей из блокадного угла.

Я той боюсь, которая однажды
На Мамиссоне,¹
искрящимся днем
Глядела в мир с неукротимой жаждой
И верила во всем ему, во всем...

Но это больше, чем воспоминанье, —
Я не о ней.
Я о гранитном зданье.

Здесь, как в бреду, все было смещено:
Здесь умирали, стряпали и ели,
А те, кто мог еще
вставать с постелей,
Пораньше утром,
растемнив окно,
В кружок усершись —
перьями скрипели:

¹ Мамиссонский перевал — один из самых высоких и красивых перевалов на Кавказе.

Отсюда передачи шли на город, —
Стихи и сводки

и о хлебе весть.

Здесь жили дикторы и репортеры,
Поэт, артистки... всех не перечить.

Они давно покинули жилища
Там, где-то в недрах города,

вдали;

Они одни из первых на кладбища
Последних родственников отвезли
И спаяны страшней, чем кровью рода,
Родней, чем дети одного отца,
Сюда, зимой сорок второго года
Сошлись —

сопротивляться до конца.

Здесь, на походной койке-раскладушке,
У каменки, блокадного божка,
Я новую почувствовала душу,
Самой мне непонятную пока.

Я здесь стихи горчайшие писала,
Спеша, чтоб свет использовать дневной...
Сюда, в тот день,

когда я в снег упала,

Ты и привел, бездомную, — домой.

III

...по сумрачным утрам

Ты за водой ходил на льдистый Невский,
Где выл норд-вест,

седой, косматый, резкий,

И запах гари стлался по дворам.

Стоял, пылая, город.

В семь утра

Темнел скелет Гостиного двора,
И мертвые у городских дорог
Уже давно лежали без сапог, —
Спокойные,
Как будто б тяжкий долг
Отдав тому,
Кто жил еще и шел...

...И на Литейном был один источник.
Трубу прорвав, подземная вода
Однажды с воплем вырвалась из почвы
И поплыла, смерзаясь в глыбы льда.
Вода плыла, гремя и коченея,
И люди к стенам жались перед нею,
Но вдруг один, —

успев устав пережить, —
Наперерез пошел

по корке льда,
Ожесточась пошел,
но не прорвался,

А сбит волной,
свалился на ходу

И вмерз в поток,
и так лежать остался

Здесь,
на Литейном
видный всем, —

во льду.

А люди утром прорубь продолбили
Невдалеке,

и длинною чредой
К его прозрачной ледяной могиле
До марта приходили за водой.

Тому, кому пришлось когда-нибудь
Ходить сюда — не говори: «Забудь».
Я знаю все. Я тоже там была,

Я ту же воду жгучую брала,
Из той же ленинградской Иордани,
Где человек, судьбы моей собрат,
Как мамонт, павший сто веков назад,
Лежал, затертый городскими льдами. . .

.. Вот так настал,
одетый в кровь и лед,
Сорок второй, необоримый год.

О, год ожесточенья и упорства!
Лишь насмерть,
насмерть всюду встали мы.
Год Ленинграда,
год его Зимы,
Год сталинградского
единоборства.

IV

В те дни исчез, отхлынул быт. И смело
В права свои вступило бытие.
А я жила.
Изнемогало тело,
И то сияло, то бессильно тлело
Сознание смятенное мое.
Сжималась жизнь во мне. . .
Совсем похоже,
Как древняя шагреневая кожа
С неистовой сжималась быстротою,
Едва владелец — бедный раб ее —
Любое, незапретное, простое
Осуществлял желание свое.
Сжималась жизнь. . .
Так вот что значит — смерть:
Не сметь желать.
Самой, совсем — не сметь.

Ну, что же, пусть.
Я все равно устала,
Я все равно не этого ждала
На тех далеких горных перевалах,
Под небосводом синего стекла,
Там, где цветок глядел из-за сугроба,
Где в облаках, на кромке крутизны,
Мы так тогда прекрасны были оба, —
Так молоды, бесстрашны и сильны...

...Все превратилось вдруг в воспоминанье:
Вся жизнь,
все чувства,

даже я сама,
Пока вокруг в свирепом ожиданье
Стоят враги, безумствует зима,
И надо всем —
сквозь лед, и бред, и ночи, —

Не погасить его, не отойти —
Рублевский лик и стынущие очи
Того, кому не сказано:

— Прости!

Того, кто был со мной на перевале,
На одиноком, блещущем пути,
И умер здесь, от голода, в подвале,
А я — я не могла его спасти...

...Еще хотелось повидать сестру.
Я думала о ней с такой любовью,
Что стало ясно мне: на днях — умру.
То кровь тоскует по родимой крови.

Но незнакомый, чей-то, не родной,
Ты ближе всех, ты рядом был со мной.

И ты не утешал меня.
Ночами,
Когда, как все, утратив радость слез,

Цветным платком плотней укрыла плечи
И темный рот подкрасила слегка.

В тот самый день сказал ты мне, смущаясь.
— А все считают, ты — моя жена...
И люди нас не попрекнули счастьем
В том городе,
где бредила Война.

v

Мы жили высоко — седьмой этаж.
Отсюда был далеко виден город.
Он обгоревший, тихий был, и гордый,
Пустынный был,
и весь, до пепла, — наш.

А мы ходили в Летний по грибы,
Где, как в бору, кукушка куковала.
Возили реже мертвых. Но гробы
Не появлялись: сил не доставало
На этот древний горестный обряд.
О нем забыл блокадный Ленинград.

И первый гроб, обитый кумачом,
Проехавший на катафалке красном,
Обрадовал людей: нам стало ясно,
Что к жизни возвращаемся и мы
Из недр нечеловеческой зимы.

О, нет, я не кощунствую!
Так было!
Нам все о жизни яростно твердило,
И точно дар торжественный — для нас
Все на земле

явилось

в первый раз.

И солнце мы впервые увидали,

И с наших крыш,
 постов сторожевых —
Большой Земли мерцающие дали
В румяных зорях,
 в дымке синевы.

До стона,
 до озноба,
 до восторга
Мы вглядывались в эту синеву...
Прекрасная!
Нельзя тебя отторгнуть.
Ты — это жизнь.
Ты есть — и я живу.
... Я помню час, когда, толкнув рукой
Окошко, перекрещенное слепо,
Я в одичавший, зимний угол свой
Впустила полднем дышащее небо.
Я отойти не смела от окна!
Слепорожденный
 в первый день прозренья
Глядел бы так,
 с таким же изумленьем
На все, что знал под именем «весна!»

VI

...А в темноте, почти касаясь кровли,
Всю ночь снаряды бешеные шли,
Так, метров семь над сонной нашей кровью,
И рушились то близко, то вдали.

Ты рядом спал,
 как спал весь город — камнем,
Сменясь с дежурства.
Мы с утра в бою...
Как страшно мне.
Услышав свист, — руками

Я прикрываю голову твою.
Невольный жест, напрасный — знаю, знаю. . .

А ночь светла.
И над лицом твоим
С тысячелетней нежностью склоняюсь,
Я тороплюсь налюбоваться им.
Я тороплюсь, я знаю, что сосчитан
Свиданья срок.

Разлука настает.
Но ты не знай. . .
Спи под моей защитой,
Солдат уставший,
муж,
дитя мое. . .

Три выстрела — три грохота подряд.
Как хорошо — пока не в наш квадрат.

. . . А рядом, в изголовье надо мною,
Охалка веток, полная весною, —
Ты с фронта, из Рыбацкого, принес. . .
Как пахнут листья, господи, — до слез. . .
Так ты вернулась, встала в изголовье,
О, молодость. . . твой запах узнаю. . .
Сплети ж с моей сегодняшней любовью
Всю чистоту и трепетность твою,
Верни мне все. . .

. . . Свистит. Опять фугас!
Сюда идет. . . Враг обнаружил нас,
Засек,
нашел,
здесь кладет снаряды,
Невидимый,
нацелился в упор
Откуда-то из гатчинского сада,
От царскосельских дремлющих озер, —

Сюда идет...

... В ночной молочной дымке

Я узнаю, безносый невидимка,

Тебя.

Ты приходил ко мне зимой.

Свистишь?

Свисти.

Я принимаю бой.

Ты утопить хотел меня в отеке.

Ты до костей обтягивал мне щеки.

Ты мне глаза мои вдавил в глазницы,

Ты зубы мне расшатывал во рту,

Ты гнал меня в подвалы,

в темноту,

Под свод психиатрической больницы...

Но меж развалин горестных и дымных,

В ожогах вся,

в рубцах, в крови, в золе

Я поднялась,

как все — неистребима,

С неистребимой верностью Земле,

И здесь, под этой обреченной крышей,

Нашла возлюбленного своего.

Он рядом спит.

Он жив.

Он мирно дышит,

Я ни за что не разбужу его.

Что может враг? Разрушить и убить.

И только-то?

А я могу любить,

А мне не счесть души моей богатства,

А я затем хочу и буду жить,

Чтоб всю ее,

как дань людскому братству,

На жертвенник всемирный положить.
Грозишь?

Грози.

Свисти со всех сторон.

Мы победили.

Ты приговорен.

Обстрел затих.

Зарею полон город,

Сменяются усталые дозоры,

На улицах пустынно и светло.

Сметают в кучи дворники стекло.

И неустанным эхом повторен

Щемящий, тонкий, шаркающий звон,

И радуги бегут по тротуарам

В стеклянных брызгах.

В городе весна,

Разбитым камнем пахнет и пожаром,

В гранитный берег плещется волна,

Как сотни лет плескалась. Тишина.

...О, девочка с вершины Мамиссона,

Что знала ты о счастье?

Оно

Неласково,

сурово и бессонно

И с гибелью порой сопряжено.

Пред ним ничто — веселье.

Радость — прах.

Пред ним бессилен враг,

и тлен,

и страх,

Оно несет на крыльях лебединых

К таким неугасающим вершинам,

К столь одиноким, нежным и нагим,

Что боги позавидовали б им,

Я счастлива.

И все яснее мне,
Что я всегда жила для этих дней,
Для этого жестокого расцвета.
И гордости своей не утаю,
Что рядовым вошла
в судьбу твою,

Мой город,

в званьи твоего поэта.

Не ты ли сам

зимой библейски-грозной

Меня к траншеям братским подозвал
И, весь окостеневший и бесслезный,
Своих детей оплакать приказал.

И там, где памятников ты не ставил,
Где счесть не мог,

где никого не славил,

Где снег лежал

от зарев розоватый,

Где выгрызал траншеи экскаватор,
И динамит на помощь нам, без силы,
Пришел,

чтоб землю вздыбить под могилы, —

Там я твоею плакальщицей стала...

Неся избранье тяжкое свое,

Из недр души

я стих свой выдирала,

Не пощадив живую ткань ее...

И ясно мне судьбы моей веленье:

Своим стихом на много лет вперед

Я к твоему пригвождена впаденью,

Я вмерзла

в твой неповторимый лед.

... А тот, над кем светло и неустанно
Мне горевать, печалиться, жалеть;

Кого прославлю славой безымянной, —
Немою славой, высшей на земле, —
Ты слит со всем, что больше жизни было:
Мечта,
душа,
отчизна,
бытие.

И для меня везде твоя могила
И всюду — воскресенье твое.

Твердит об этом
трубный глас Москвы,
Когда она,
колебля своды ночи,
Как равных — славит павших и живых,
И Смерти —
смертный приговор пророчит.

Апрель 1945

О. Ф. БЕРГГОЛЬЦ

Ольга Федоровна Берггольц родилась в Ленинграде в 1910 году, в семье врача. В Ленинграде О. Берггольц окончила сначала среднюю школу, а затем в 1930 году филологический факультет Ленинградского университета. После окончания университета О. Берггольц работала в различных газетах как журналист и поэт (разъездной корреспондент казахстанской газеты «Советская степь», редактор комсомольской страницы в заводской многотиражке «Электросилы» (Ленинград). В 1934 году вышла из печати первая книжка О. Берггольц «Стихотворения», в 1936 г. — вторая, «Книга песен». Тогда же О. Берггольц выпустила книгу рассказов «Ночь в новом мире».

Однако широкое признание и популярность творчества Ольги Берггольц возникает в дни Великой Отечественной войны, которую она провела в Ленинграде, испытав все трудности немецкой блокады. Близкая связь с жизнью рабочего коллектива «Электросилы», с моряками Балтийского флота, с частями Красной Армии, повседневная политическая работа в Ленинградском радиокомитете, где Берггольц принимала самое активное участие в злободневных радиопередачах, помогли окрепить ее творчеству и приобрести несравненно более широкую общественную основу. С первых дней войны темы стихов О. Берггольц неразрывно связаны с героической борьбой Ленинграда. Одна за другой в Москве и Ленинграде выходят ее книги стихов и поэм, посвященные войне и ленинградской обороне («Ленинградская поэма» — 1942, «Ленинградская тетрадь» — 1942, «Ленинград» — 1944, «Ленинградский дневник» — 1944, «Твой путь» — 1945, «Стихи и поэмы» — 1946). В 1946 году О. Берггольц выпустила сборник своих радиоречей, обращенных к жителям осажденного Ленинграда («Гово-

рит Ленинград»). Совместно с Г. Макогоенко О. Берггольц написала несколько пьес и сценариев, посвященных тем же военным ленинградским темам. Пьесы О. Берггольц и Г. Макогоенко шли в московском Камерном театре, в Большом Драматическом театре в Ленинграде, а также в других городах Советского Союза и за границей.

О. Берггольц — член ВКП(б) с 1940 года. Она ведет активную общественную работу, часто выступая перед рабочими Ленинграда как агитатор и поэт.

В 1944 году О. Берггольц совершила длительную поездку по Крыму и собрала обширный материал о борьбе советских людей против оккупантов в годы войны. На этом материале О. Берггольц в настоящее время пишет стихотворную трагедию «Город славы», посвященную героическому Севастополю.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Дорога на фронт	7
«Перебирая в памяти былое...»	9
Три стихотворения дочери	10
Севастополь	12
Колыбельная другу	13
Сиделка	15
Первый снег	16
Наш дом	17
Молодости	21
Тост	23
Разлука	24
Начало повмы	28

II

Осень сорок первого	33
Из блокнота	35
В госпитале	36
Сестре	37
«Я буду сегодня с тобой говорить...»	39
Письмо на Каму	41
Стихи о ленинградских большевиках	43
Москве	45
Шестого ноября сорок первого года	47
Разговор с соседкой	48
Второе письмо на Каму	50
Новогодний тост	53
Армия	55
Ленинграду	57
Третье письмо ва Каму	59

Ленинградке	61
Песня о жене патриота	63
Ленинградская осень	65
Отрывок	68
Новоселье	71
. . . Третья зона, дачный полустанок	73
Весна в Ленинграде	75
Твоя молодость	77
Два стихотворения о городе Пушкине	79
Второй разговор с соседкой	81
27 января 1945 года	84
Накануне	87
Встреча с победой	90
Стихи о себе	92
Воспоминание	94
Ласточка	96
Мой дом	98
Два вступления к трагедии «Город славы»	100

III

Февральский дневник	105
Ленинградская повесть	113
Памяти защитников	124
Твой путь	130
О. Ф. Берггольц (биографическая справка)	144

Редактор А. Тарасенков

*Художник И. Николаевцев. Техн. редактор
А. Кирнарская.*

Подписано к печати 28/IV 1948 г. А-01047.

Печ. л. 91/4. Уч.-изд. л. 6,53. Аят. л. 6,19.

Тираж 25 000. Зак. 1371. Цена 6 р.

2-я типография «Печатный Двор» им.

А. М. Горького треста «Полиграфкнига»

ОГИЗа при Совете Министров СССР.

Ленинград, Гатчинская, 26.